

По выходным Чжоу Цзихэн впервые в мире начал будить Ся Сицина рано по утрам, но Ся Сицин был очень сонным, он завернулся в одеяло и не хотел выходить. Чжоу Цзихэн ничего не мог с этим поделать. Поэтому он, уговаривая, вытащил его из кровати, усадив на неё.

— Что ты делаешь... - Ся Сицин даже не открыл глаза, — Разве сегодня не суббота...

— Да, что-то не так.

— Что-то не так. Я не спал прошлой ночью, - Ся Сицин закрыл глаза, схватил подушку и накрыл ею тело Чжоу Цзихэна. — Подбрасывал меня до трёх часов... я так хочу спать.

— Эй, эй, не спи. - Чжоу Цзихэн обнял его и дважды похлопал по спине. — Тогда кто заставил тебя подцепить меня прошлой ночью.

— Ты всё ещё говоришь?

— Нет, нет, я не могу этого сделать, я этого не вынесу. - Чжоу Цзихэн улыбнулся, закинул ноги ему на талию, обнял руками за шею и обнял его, как ребёнка.

— Эй, я действительно... я не хочу вставать...

— Давай вставать, здесь действительно что-то не так, есть что-то большое. - Чжоу Цзихэн потащил его в ванную в обнимку. — Я выжал для тебя всю зубную пасту, смотри.

Ся Сицин, которого потащили, всё ещё не смотрел. Он опёрся на Чжоу Цзихэна и закрыл глаза, не говоря ни слова. Ему так хотелось спать, что он мог заснуть стоя.

Однако Чжоу Цзихэн уже был очень доволен, думая, что гнев Ся Сицина, выраженный в проклятьях, был из-за раннего подъёма.

— Хороший мальчик, сначала помойся, а позже я приготовлю тебе что-нибудь вкусненькое. - Сказав это, он взял тапочки у двери ванной и надел их на Ся Сицина.

После такой суеты Ся Сицин тоже большую часть времени бодрствовал. Он взял чашку для полоскания рта, чтобы почистить зубы и умыться. Когда с его лица стекала вода, он поднял глаза и увидел, что Чжоу Цзихэн готовится нанести лосьон после бритья. Он схватил Чжоу Цзихэна за запястье:

— Ты не до конца убрал пену.

— Где[]- Чжоу Цзихэн искоса посмотрел в зеркало.

Капля воды попала ему в глаза, Ся Сицин нахмурился и потыкал в верхний край рта холодными пальцами:

— Вот. Забудь об этом, я побрею это место для тебя. – Сказав это, он толкнул Чжоу Цзихэна в грудь, тем самым протолкнув его до самого туалета. — Сядь сюда.

Чжоу Цзихэн послушно сел и наблюдал, как Ся Сицин открывает шкафчик у зеркала и находит бритву и пену для бритья. На нём была светло-серая хлопчатобумажная пижама. Когда он умывался, он спускал рукава до предплечий. И когда он взял вещи, Сицин обнажил белую руку.

Его лицо с боку имело хороший вид.

— Если пользоваться электрическим, то можно поцарапаться, поэтому воспользуемся ручным. – Ся Сицин взял инструменты и подошёл к Чжоу Цзихэну, сначала присев на корточки. Но Чжоу Цзихэн был слишком высок, чтобы сидеть, поэтому он встал и наклонился. Сицин приподнял его лицо, но он так же был высок, поэтому он наклонился с большим усилием.

Чжоу Цзихэн сдержал улыбку и протянул руку, чтобы притянуть его в свои объятия:

— В этой позе должно быть удобно.

Ну вот, опять. Ся Сицин постучал Чжоу Цзихэна ручкой ручной бритвы по голове и сел на него сверху. Руки Чжоу Цзихэна сомкнулись на его талии, его глаза, казалось, были прикованы к телу Ся Сицина.

Лицо в поле его зрения было сильно увеличено, и он даже может видеть тонкий пушок на невинном лице Ся Сицина, а также губы, которые он обычно поджимает. От этого они будут казаться мягче, как две вишни, сложенные вместе, с чуть большей прочностью, совсем чуть-чуть, этого достаточно, чтобы сок переливался через край.

Движения Ся Сицина были очень лёгкими. Он растёр крем для бритья в ладони до образования пены, а затем втёр его в лицо. Рука, держащая рукоятку бритвы, была очень лёгкой, аккуратно выбривая ту часть, которую было трудно побрить чисто. Его глаза сосредоточились на этой точке, брови слегка нахмурились, а длинные ресницы осветлились в тёплом свете из ванной, отбрасывая длинную дрожащую тень на тонкую кожу под глазами.

Все тонкие детали объединяются в стимул для мотивации.

— Кажется, здесь немного чище... – Ся Сицин наклонил голову и хотел рассмотреть поближе, но с таким наклоном головы Чжоу Цзихэн воспользовался ситуацией и поцеловал его. — Эм...эм!

Он хлопнул Чжоу Цзихэна по плечу, но Чжоу Цзихэн не собирался его отпускать. Руки, сцепленные за его талией, коснулись его спины, объятия стали ещё крепче.

Цитрусовый аромат, исходящий от пены, смешанный с лёгкой травяной горечью, передавался от лица одного человека к лицу другого, подобно источнику заразительного желания.

Ся Сицин не хотел, чтобы Чжоу Цзихэн добился успеха так быстро, поэтому он злобно сжал зубы. Кто знал, что Чжоу Цзихэн

будет целовать его губы, казалось бы, терпеливо, в то же время проводя рукой по слегка выпуклому позвоночнику Ся Сицина до самой нижней точки, медленно потирая его позвонки.

— Эм...

Ся Сицин, который был пойман вратами судьбы, случайно разжал губы. В это же мгновение Чжоу Цзихэн воспользовался пустотой, и достиг кончиком языка влажного и мягкого рта. Оставшийся аромат мяты обжёг его губы.

Ся Сицин просто прекратил сопротивление, бритва упала на землю, и звук превратился в рог ближнего боя.

Его пальцы нежно перебирали корни волос Чжоу Цзихэна, его язык лизал мягкую верхнюю губу, его дыхание становилось всё тяжелее и тяжелее, а хватка становилась всё крепче и крепче, его горячая грудь была плотно прижата к груди Цзихэна, неоднозначно потираясь.

Его губы расслабились, и удушье немного ослабло. Чжоу Цзихэн обнял его за тонкую талию и немного снизил непрерывные поцелуи с уголка его рта. Глазами он смотрел на подвижный кадык Ся Сицина.

Верхняя часть его тела бессознательно откинулась назад, тонкая шея, слегка приподнятая грудь и гибкая талия, изогнутая дугой от нежности.

Ся Сицину не нравилось его возбуждение, и удовольствие от того, что он был далеко от него, вызывало беспокойство.

Он сжал плечи Чжоу Цзихэна, наклонил его голову и поцеловал его в губы, влажно целуя, как бы показывая основное желание слишком гордого человека.

Температура поднималась всё больше и больше, и они вдвоём растаяли в этой влажной ванне, как рыбы, попадающие в воду, красота утра испарилась со звуком судорожного вздоха.

Войдя в раздевалку, Чжоу Цзихэн рассказал ему об истинной причине раннего подъёма.

— Я сказал своим родителям, что отвезу тебя к ним сегодня. - Чжоу Цзихэн легко снял свою пижаму и нашёл свитер, который хотел надеть. С тех пор как они были вместе, всё смешалось.

Ся Сицин был ошеломлён от его слов:

— Что ты сказал?

Чжоу Цзихэн обернулся:

— Отвезти тебя домой.

— Что за шутка. - Ся Сицин некоторое время был в оцепенении, сидя на мягком диване в раздевалке. — Что ты собираешься делать дома?

— Без шуток. - Чжоу Цзихэн наконец нашёл свой серо-голубой свитер, быстро натянул его на себя и попытался подтянуть Ся Сицина. — Быстро переодевайся, я сказал им, что буду там утром.

— Я... - Ся Сицин замолчал. — Нет, нам обязательно идти?

— Конечно. - Чжоу Цзихэн присел на корточки и поцеловал его. — В чём дело?

— Если...

Что, если я не понравлюсь твоим родителям?

Ся Сицин сдержался, чтобы не сказать этого, но в глубине души он был очень уверен, что слово «дом» было слишком далеко для него. Мало того, что это было далеко, это была ещё и запретная зона.

Такой человек, как он, не должен нравиться семье Чжоу Цзихэна, верно? Он считает, что такое семейное происхождение не должно создавать хорошего впечатления о гомосексуализме, тем более что он совсем не воспитанный и послушный.

Они так хорошо обучили Чжоу Цзихэна. Он, должно быть, их самый драгоценный ребёнок. Должно быть, они очень сердятся, что его похитил такой плохой ребёнок, как он.

Чем больше он думал об этом, тем больше паниковал, Ся Сицин стиснул задние зубы и не сказал ни слова.

Чжоу Цзихэн тоже не заставлял его, просто сел с ним лицом к лицу и поиграл с его руками.

Честно говоря, это на него совсем не похоже. Ся Сицин никогда никого не боялся, и он никогда не вздрагивал, сталкиваясь с чем-либо.

Но теперь он отступил, по-настоящему отступил.

Дело было не в том, что он боялся, что родители остановят его, а в том, что успешные семейные отношения Чжоу Цзихэна дадут трещину из-за его собственного вмешательства.

— Я думаю, что я могу не понравиться твоим родителям. — После долгого молчания Ся Сицин наконец заговорил очень спокойно. — Будь благоразумен, я нравлюсь немногим родителям.

Чжоу Цзихэн ясно чувствовал, что Ся Сицин становится всё менее и менее уверенным в себе. Это была своего рода не уверенность в себе, которая была очевидна, но он очень хорошо знал, что это был настоящий Ся Сицин. У него всегда была низкая самооценка, но в прошлом он обычно использовал гордость и сдержанность, чтобы скрыть своё сердце.

После того как красивая твёрдая скорлупа слезала, ребёнок со шрамами был очень напуган, сжимал руки и ноги, боясь кого-либо увидеть.

— Этого не будет. — Чжоу Цзихэн взял его за руку. — Они не такие. И ты очень хорош, ты очень хорош. — Он коснулся щеки Ся Сицина. — Ты лучший в моих глазах.

Ся Сицин наконец поднял голову, неохотно улыбнулся ему и встал, чтобы переодеться.

Чжоу Цзихэн не мог понять его панику и беспомощность в сердце. Он не понимал его естественного страха перед словами «родители».

Но это не имеет значения, он любит Чжоу Цзихэна.

Он готов выйти из своей зоны комфорта ради Чжоу Цзихэна.

— Тогда мне следует принять душ прямо сейчас? — Ся Сицин внезапно почувствовал, что он был слишком серьёзен. — Я очень быстро, пять минут.

— В этом нет необходимости. — Чжоу Цзихэн схватил его, придержал за плечо и попросил повернуться лицом к ряду одежды. — Пойдём после того, как переоденемся.

Ся Сицин внезапно спросил:

— Во что ты одет? — Его рука переворачивала одну вещь за другой. — Мне следует одеться попроще? Какой цвет нравится твоим родителям? Их...

Он слишком встревожен.

Чжоу Цзихэн обнял его сзади, сказав нежным голосом:

— Сицин.

— Они не будут судить тебя из-за одежды, которую ты носишь. Точно так же они не будут судить о твоём характере из-за оценки внешнего мира. - Чжоу Цзихэн крепко обхватил его за талию. — На этот раз я веду тебя туда, просто чтобы представить, давай с ними встретимся, не нервничай.

Испытывая какое-то чудесное утешение в его объятиях, Ся Сицин почувствовал, что взволнованное «я» постепенно успокаивается.

Погода всё ещё была очень холодной, и эти двое, наконец, надели одинаковую модель пуховика, чтобы выйти на улицу. Чжоу Цзихэн надел чёрным, а Ся Сицин - белым. Сяо Ло уже ждал их в машине.

Сев в машину, Ся Сицин был очень тихим. Он не сказал ни слова. Даже Сяо Ло мог видеть, что он ненормальный, и посмотрел в зеркало заднего вида:

— Что не так с Сицином, почему у него такое плохое лицо?

Ся Сицин на мгновение опешил, затем подсознательно поднял руку и потёр лицо:

— Я плохо выгляжу?

— Не плохо. - Чжоу Цзихэн не смог удержаться от смеха, подставляя его натёртые щёки. Кончик его носа был немного красным, когда он выходил. С этим безобидным лицом человека и животного он выглядел таким милым. — Дай мне посмотреть, это так красиво.

У Сяо Ло было выражение, которое спрашивало, что он сделал что-то не так, почему его заставили съесть собачий корм:

— Что не так с Сицином, он чувствует себя не в своей тарелке?

— Ничего. - Чжоу Цзихэн ответил прямо за него. — Я так сильно ему нравлюсь, что он больше не осмеливается встретиться с моими родителями.

Ся Сицин оттолкнул Чжоу Цзихэна и повернул голову. Сначала он сказал:

— Я собираюсь останавить машину, - Но когда он выговорил это, то снова обернулся.

С тех пор как он был с Чжоу Цзихэном, он постепенно утратил даже первоначальную ротную пушку.

Я не могу вынести, если скажу ему грубое слово, я не могу вынести, если выйду из себя.

Как сказал Чжоу Цзихэн, он ему действительно очень нравится.

Когда он прибыл в дом Чжоу Цзихэна, Ся Сицин был немного смущён из-за своей нервозности. В конце концов, в последний раз он приходил сюда незаконным путём.

Та, кто открыла дверь, была тётей с выдающимся темпераментом в очках с серебряной оправой. Ся Сицин с первого взгляда понял, что это, должно быть, мать Чжоу Цзихэна. Они были похожи друг на друга, красавицами с превосходным телосложением.

— Идёшь? - Мать Чжоу улыбнулась, её голос был очень мягким. — Я как раз собиралась позвонить Хэнхэну и спросить, не застрял ли он в дороге. Заходи. - Говоря это, она мягко потянула Ся Сицина за руку. — На улице холодно?

Ся Сицин поспешно улыбнулся:

— Всё в порядке.

— Это моя мать. - Чжоу Цзихэн великодушно проводил Ся Сицина до двери. — Мама, это Сицин.

— Я знаю. - Матушка Чжоу очень мягко улыбнулась. — Я смотрела ваше шоу.

— Привет, тётя. - Ся Сицин наклонился. — Извините меня.

— Не беспокойтесь, мы ждали, когда вы придёте.

Матушка Чжоу привела двух человек внутрь. Взгляд Ся Сицина упал на мужчину средних лет, сидящего на диване в гостиной. Он сидел прямо и держал газету, читая. Он встал, когда увидел, что кто-то входит.

Похоже, что внешность Чжоу Цзихэна унаследовала преимущества его родителей и рост отца.

Однако отец Чжоу выглядел так же, как Чжоу Цзихэн, и у него было пугающее чувство дистанции. Прежде чем он подошёл ближе, Ся Сицин сказал:

— Привет, дядя.

— Да. - Отец Чжоу кивнул, заложив руки за спину. — Садись, садись. - Сказав это, он сел один.
— Чай, который я заварил для тебя, остыл, и я только что заварил ещё одну чашку. - Он уже собирался подать его, но затем снова сделал паузу. — Сицин пьёт чай или нет? Почему бы мне не позволить тёте Хун приготовить тебе кофе?

Ся Сицин польщённо махнул рукой:

— Нет, дядя, я просто выпью чаю. - Сказав это, он взял чашку, держа в руке маленькую чашечку цвета морской волны с трещинами.

— Не нервничай. - Отец Чжоу сразу показал своё выступление. Он сказал Чжоу Цзихэну. — Иди на кухню, помоги своей матери. Сегодня она сама приготовила обед.

Он разделил Чжоу Цзихэна, оставив только Ся Сицина лицом к лицу, разделённого кофейным столиком.

— Не бойся. - На лице отца Чжоу была улыбка. — На самом деле, перед тем, как вы пришли, Чжоу Цзихэн признался нам о вас и нём.

Ся Сицин мог догадаться, в конце концов, Чжоу Цзихэн был не из тех людей, которые были настолько своевольны, что вышли бы на публику по такому случаю, как церемония награждения, не сказав родителям.

Он сделал глоток чая, осторожно поставил чашку на кофейный столик и спокойно выслушал отца Чжоу.

— На самом деле, его мать и я, мы позвали тебя просто перекусить. - Отец Чжоу взял чайник и добавил в него немного чая. — Ты его нынешний любовный партнер. Мы не можем просто смотреть на тебя по телевизору, тебе не кажется?

Ся Сицин кивнул. Он уже давно не сидел и не разговаривал подобным образом с пожилым мужчиной. Это странное чувство заставило его немного встревожиться.

— Ты плохо выглядишь, ты заболел?

Он покачал головой:

— Нет, я не болен. - Он заставил себя улыбнуться. — Ты говоришь, я слушаю.

Отец Чжоу быстро заметил, что что-то не так, окинув взглядом пустую гостиную вокруг них, а затем перевёл взгляд на кухню. Он как-то отреагировал:

— Я оказываю на тебя давление? Или я позову этого парня...

— Нет, - Ся Сицин внезапно почувствовал себя странно, — Откуда ты знаешь...

— Я слышал, как он что-то говорил о твоей семье. На самом деле, вам не следует обсуждать эти темы сразу, как только вы подниметесь. Я знаю, вам будет трудно сказать это.

Ся Сицин поджал губы:

— Всё в порядке, сейчас мне намного лучше, это довольно хорошо.

— Ты очень сильный. Если бы ты вырос в такой среде, ты, возможно, не смог бы долго держаться за другого человека. - В глазах отца Чжоу отразился утвердительный взгляд. — Хорошо быть сильным, это редкость - быть сильным, и ты тоже очень хорош.

Внезапно получив подтверждение от отца Чжоу Цзихэна, Ся Сицин не мог не быть немного удивлён.

Отец Чжоу тоже увидел удивление на его лице:

— Ты думаешь, я поставлю тебя в неловкое положение? Почему я должен тебя смущать? Это потому, что ты нравишься моему сыну, если я действительно недоволен, я только поставлю своего сына в неловкое положение.

Ся Сицин открыл рот, его обычные острые зубы и резкий рот на этот раз потерпели неудачу. Стоя лицом к лицу с родителями своего любимого человека, он просто хотел искренне выразить свои мысли:

— Я думал, что такая семья, как вы, возможно, не сможет принять, что ваш сын будет со мной. Я такой же человек, как и он, и я родился в семье калек, что привело к большим недостаткам в моей личности, но...

Его глаза опустились, затем он снова поднял их:

— Дядя, я сильно изменился. Именно благодаря самосовершенствованию я изменился. Я очень люблю его. Я могу заверить тебя в этом.

Это предложение было слишком бледным, и Ся Сицин пожалел об этом в тот момент, когда

произнёс его. Любой может сказать, что любит его, и открыть рот.

Отец Чжоу не ожидал, что Ся Сицин сделает такое прямое признание. Он смотрел его программы и интервью и знал, насколько умный ребёнок перед ним, поэтому он не ожидал, что в этот момент тот выберет такой простой или даже неуклюжий способ завоевать расположение.

— Я знаю. Я прожил так много лет, не говоря уже ни о чём другом, у меня хороший глаз на людей. — Отец Чжоу улыбнулся. — Я не буду скрывать этого от вас. Когда Чжоу Цзихэн признался мне в самом начале, я вышел из себя. Главная причина заключалась в том, что я не ожидал, что ему понравится мужчина. Он боролся в этом кругу с тех пор, как был так молод, с таким количеством искушений, но он ни с кем не спутался, у него никого не было, кто ему бы нравился.

Отец Чжоу нахмурился:

— Мне было интересно, как он мог быть с тобой на шоу и влюбиться в тебя?

— Позже я проверил много информации о тебе. Ты действительно очень талантливый, очень умный и привлекательный ребёнок. Но, честно говоря, после того, как я проверил это, я был немного против, потому что твой детский опыт слишком... — Он внезапно замолчал, Ся Сицин опустил глаза и промолчал. — По-моему, ты был бомбой замедленного действия.

— Но потом я поговорил с матерью. — Отец Чжоу вздохнул. — Я чувствую, что моё мнение снова неверно, оно предвзятое.

Ся Сицин внезапно почувствовал, что отец и сын действительно похожи, и тон и формулировки их речей были одинаковыми.

— Я учил его этому с детства, и в конце концов я надел цветные очки, чтобы видеть людей самостоятельно, так чему ещё я могу научить. — Отец Чжоу покачал головой. — Поэтому я тщательно обдумал это и долго боролся. Позже его брат пришёл ко мне и рассказал кое-что о том, когда он был ребёнком.

— Он сказал: папа, ты помнишь, что когда ты был ребёнком, ты подобрал маленького воробья со сломанной лапкой во дворе. Ты обращался с ним как с сокровищем, поил его водой и использовал все виды пищи, но в конце концов маленькая птичка улетела, а ты продолжал плакать. Папа, скажи эта птичка не твоя вещь, она независима, и ты не можешь заставить её оставаться рядом с тобой, потому что она нравится твоему сердцу.

Отец Чжоу взволнованно улыбнулся:

— После того, как его брат сказал это, мне стало очень стыдно. Поскольку я мог сказать Чжоу

Цзихэну с самого начала, этот воробей – независимая личность. Тогда почему я до сих пор не могу относиться к своему сыну как к независимой личности?

Сердце Ся Сицина было потрясено, и он внезапно восхитился Чжоу Цзихэном.

В этот момент он, наконец, понял, почему Чжоу Цзихэн мог быть таким хорошим и прямолинейным, в конце концов, это происходило благодаря воспитанию его семьи.

— Хотя он мой ребёнок, он прежде всего сам по себе. – Отец Чжоу посмотрел в глаза Ся Сицину. — Ты ему нравишься, и он хочет быть с тобой. Это права, которые он должен иметь. Даже как родитель, я не имею права вмешиваться, так что не волнуйся. Я не сделаю ничего, чтобы помешать тебе. Эти вещи бессмысленны. Как дети, вы нуждаетесь в защите и руководстве, но более важно отпустить.

Нос Ся Сицина был немного влажным. Он сильно поджал губы и улыбнулся со всеми своими эмоциями. Он должен был что-то сказать в это время, но не смог найти нужных слов.

Отец Чжоу снова сказал:

— Конечно, он будет нести окончательный результат в одиночку.

Это предложение вызывало обоснованные сомнения в их результатах, но сердце Ся Сицин неизбежно дрогнуло.

Он никогда не думал, что будет плохой результат, и ему ещё больше не хотелось давать Чжоу Цзихэну плохой результат.

— Дядя, я не тот человек, который может внушить другим чувство доверия. Просто сказать что-то устно может быть неубедительно, и это ничего не докажет тебе.

Ся Сицин поднял голову и посмотрел прямо на отца Чжоу твёрдым взглядом:

— Но он единственный человек, которого я люблю, впервые за 25 лет. Я лучше, чем кто-либо другой, знаю, как трудно складываются эти отношения, как для меня, так и для него. Поэтому я подумал, не могли бы вы оказать мне немного больше доверия и не давить на него из-за моих проблем. Я всегда надеюсь, что он сможет быть со мной в состоянии, благословлённом его родителями.

Он немного подумал и сказал:

— Цзихэн отличается от меня. Он заслуживает любви своих отца и матери.

Он произнёс эти слова. Мать Чжоу вышла из коридора:

— Ты действительно боишься людей и детей. — Она подошла к Ся Сицину, сев и коснувшись его спины. — Бедное дитя. — Сказав это, она снова схватила Ся Сицина за руку, его пальцы были холодными.

Мать Чжоу сердито посмотрела на отца Чжоу:

— Твой дядя Чжоу на самом деле хочет сказать, что он понимает тебя и уважает. И я вижу, что с тех пор, как Цзихэн был с вами, вся его личность ожила, как он сказал на церемонии награждения, именно благодаря вам он восполнил свой эмоциональный пробел.

Чжоу Му похлопала его по руке, улыбнулась и сказала ему:

— Ещё одна вещь, тётя хочет тебе сказать, ты ошибаешься, каждый заслуживает любви своих родителей. Если нет, то это ни в коем случае не вина ребёнка, это халатность родителей.

Ся Сицин стиснул зубы и резко сдержал слёзы, покраснев и сказав спасибо матери Чжоу, его голос был очень тихим и глухим.

В этот момент Чжоу Цзихэн вошёл в гостиную и увидел, что Ся Сицин в плохом настроении. Он немедленно вышел вперёд, сел рядом с ним и сказал своему отцу:

— Папа, что ты сказал? Ты каждый день кричал, чтобы я вернул Сицина. — Он был немного встревожен. — Ты вот-вот доведёшь его до слёз.

Ся Сицин схватил Чжоу Цзихэна за запястье:

— Это не дядя Чжоу, я не плакал.

Отец Чжоу был также обижен:

— Я ничего не говорил, Сицин, я напугал тебя?

Ся Сицин был удивлён:

— Нет, я слишком нервничаю.

Мать Чжоу внезапно обняла Ся Сицина:

— О, у меня болит сердце, когда я вижу тебя, тётушке действительно жаль тебя.

По её словам, его мать всё ещё плакала, что привело Ся Сицина в замешательство.

— Тётя...

— Моя мама снова здесь. В первый раз, когда я рассказал ей о тебе, она долго плакала.

Чем больше мать Чжоу плакала, тем печальнее ей становилось. Она обняла Ся Сицина и продолжала прикасаться к его спине и затылку. Текли слёзы:

— Как мог быть такой жестокий человек, как ты вырос таким большим... Ты страдал, дитя...

Чжоу Цзихэн продолжал размахивать бумагой и вытирал слёзы своей матери о плечи Ся Сицина.

Это чувство настолько странное, что он с трудом может вспомнить ощущение, когда его обнимала мать.

Ся Сицин пришёл в себя, бережно обнял мать Чжоу и мягко последовал за ней обратно:

— Тётя, я в порядке. Не плачь, не причиняй вред своему телу.

— В будущем всё будет хорошо. — Мать Чжоу изо всех сил старалась сдержать слёзы и прикоснулась к лицу Ся Сицина. — В будущем вам всем будет становиться всё лучше и лучше.

Ся Сицин улыбнулся и кивнул, вытирая слёзы из уголков глаз.

Он, наконец, понял, откуда взялось мягкое сострадание Чжоу Цзихэна по своей природе.

Пока он не сел за стол, Чжоу Цзихэн всё ещё говорил со своим отцом, а отец Чжоу всё ещё вспоминал и размышлял, и тихо пробормотал:

— Какое предложение неправильное, нет, я думаю, оно довольно хорошее... Я думал об этом долгое время...

— Ешь, ешь. — Мама Чжоу положила овощную палочку в миску Ся Сицина. — Ешь больше, ты слишком худой.

Чжоу Цзихэн немедленно стал наперебой добиваться благосклонности:

— Мама, как насчёт меня?

— Ты стал таким высоким. Что ещё ты ешь? Ты хочешь вырасти в великана.

Чжоу Цзихэн изменил свою цель и начал подталкивать отца Чжоу говорить плохие вещи о его матери:

— Сталкивалась ли мама с какими-либо проблемами при проведении исследований в последнее время, её настроение так сильно меняется.

— Разве твоя мать не всегда такая, плачет и смеётся какое-то время.

— Да.

Увидев двух старых мастеров, скрюченных на столе, мать Чжоу не потрудилась обратить на это внимание, поэтому она наклонилась к Ся Сицину и заговорила тихим голосом.

— Сицин, я смотрела твою прямую трансляцию.

Ся Сицин внезапно отвернул своё лицо в сторону, выражение его лица было слегка испуганным.

Мать Чжоу улыбнулась:

— Я вижу, что ты его очень любишь, и испытываю большое облегчение. Единственное, что есть, это просьба тёти о тебе.

Ся Сицин безучастно кивнул и торжественно положил палочки для еды в свою руку:

— Вы можете говорить.

— Люби себя так же сильно, как ты любишь его, хорошо?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284245>